

Вестник Костромского государственного университета. 2025. Т. 31, № 1. С. 117–123. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2025, vol. 31, no. 1, pp. 117–123. ISSN 1998-0817

Научная статья

5.6.1. Отечественная история (исторические науки)

УДК 94(470)“20”

EDN OTQXRY

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-1-117-123>

ВЛАСТЬ И КООПЕРАТИВЫ В НАЧАЛЕ XX В. (по материалам Костромской и Ярославской губерний)

Белов Андрей Михайлович, доктор исторических наук, профессор, Костромской государственный университет, Кострома, Россия, belovi_1957@mail.ru

Малинин Андрей Николаевич, аспирант, Костромской государственный университет, Кострома, Россия, andrei.malinin99@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0007-0288-8161>

Аннотация. Изучение темы взаимоотношений власти и кооперативов в начале XX столетия необходимо для большего понимания особенностей развития кооперативного движения в дореволюционной России. На основе материалов Костромской и Ярославской губерний, входящих в состав Центрально-промышленной области Российской империи, показана специфика бюрократического процесса утверждения кооперативных уставов. Рассмотрен процесс сбора необходимых сведений о политической благонадежности и нравственном поведении каждого учредителя кооперативных организаций, который осуществлялся с помощью двух должностных лиц – уездного исправника или полицмейстера и начальника губернского жандармского управления. В статье были показаны и белые пятна, которые остаются не до конца раскрытыми. Источниковой базой статьи стали фонды государственных архивов Костромской, Ивановской и Ярославской областей. За основу были взяты фонды делопроизводственного характера – ф. 73 («Канцелярия Ярославского губернатора») и ф. 133 («Канцелярия Костромского губернатора»). Именно губернаторы отвечали за утверждение кооперативов различных видов – потребительских и сельскохозяйственных обществ, трудовых артелей, кредитных и ссудо-сберегательных товариществ. В отечественной историографии подобный анализ архивных материалов Костромской и Ярославской губерний делается впервые, что определяет научную новизну исследования. Был использован историко-сравнительный метод, который продемонстрировал схожесть в эволюции взаимоотношений власти и кооперативов в рассматриваемых губерниях.

Ключевые слова: кооперативное движение, власть, кооперация, российская провинция, Костромская губерния, Ярославская губерния, губернская канцелярия, губернатор, губернное жандармское управление.

Для цитирования: Белов А.М., Малинин А.Н. Власть и кооперативы в начале XX в. (по материалам Костромской и Ярославской губерний) // Вестник Костромского государственного университета. 2025. Т. 31, № 1. С. 117–123. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-1-117-123>

Research Article

THE GOVERNMENT AND COOPERATIVES IN THE EARLY 20TH CENTURY (BASED ON MATERIALS FROM KOSTROMA AND YAROSLAVL PROVINCES)

Andrei M. Belov, DSc in History, Professor, Kostroma State University, Kostroma, Russia, belovi_1957@mail.ru

Andrei N. Malinin, postgraduate, Kostroma State University, Kostroma, Russia, andrei.malinin99@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0007-0288-8161>

Abstract. The study of the relationship between the government and cooperatives in the early 20th century is necessary for a better understanding of the peculiarities of the development of the cooperative movement in pre-revolutionary Russia. Based on the materials of Kostroma and Yaroslavl provinces, which were part of the Central Industrial Region of the Russian Empire, the specifics of the bureaucratic process of approving cooperative charters are shown. The process of collecting the necessary information about the political reliability and moral behaviour of each founder of cooperative organisations, carried out with the help of two officials – the district police officer or police chief and the head of the provincial gendarmerie department – is considered. The article also showed white spots that remain not fully disclosed. The source base of the article was the funds of the state archives of Kostroma, Ivanovo and Yaroslavl regions. The funds of a clerical nature were taken as a basis – F. 73 (“Office of Yaroslavl governor”) and F. 133 (“Office of Kostroma governor”). It was the governors who were responsible for approving cooperatives of various types – consumer and agricultural societies, labour artels, credit and savings and loan partnerships. In Russian historiography, such an analysis of archival materials from Kostroma and Yaroslavl provinces has

been conducted for the first time, which determines the scientific novelty of the study. Historical and comparative method was used, which demonstrated the similarity in the evolution of the relationship between government and cooperatives in the provinces under consideration.

Keywords: cooperative movement, government, cooperation, Russian province, Kostroma Province, Yaroslavl Province, provincial chancellery, governor, provincial gendarmerie department.

For citation: Belov A.N., Malinin A.N. The government and cooperatives in the early 20th century (based on materials from Kostroma and Yaroslavl provinces). *Vestnik of Kostroma State University*, 2025, vol. 31, № 1, pp. 117-123 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-1-117-123>

Кооперативное движение, бравшее свое начало еще в годы царствования Александра II, стало заметным явлением в социально-экономической жизни страны лишь в начале XX в. Данному обстоятельству способствовали различные факторы. В современной отечественной историографии как этап развития кооперации отмечают события Первой русской революции и столыпинскую аграрную реформу [Корелин: 172–173; Кураев: 212–217; Лубков 2007: 28, 30; Лубков 2019: 107]. Особое значение имел общественный подъем в условиях революционных потрясений, а также перемены в имущественно-правовом статусе крестьянства, получившего, в частности, право выхода из общины.

На развитие кооперативного движения после 1905–1907 гг. все чаще стали обращать внимание правительственные органы власти. С этого времени отношение власти к кооперативам, по меткому замечанию историка А.П. Корелина, оставалось двойственным, когда, с одной стороны, власть оказывала материальную и организационную помощь кооперативам, с другой – устанавливала всестороннюю административную опеку и надзор, опасаясь самостоятельности и политизации кооперативного движения [Корелин: 250–251].

Подобные тенденции отмечались не только в центре, но и на местах. События 1905–1907 гг. насторожили местные власти небывалой ранее активностью крестьянства. Так, приговоры и наказания крестьян сообщают, что в Костромской и Ярославской губерниях раздавались призывы отмены косвенных налогов; передать в пользование крестьян «частновладельческие, монастырские, церковные и казенные земли»; ввести всеобщее, равное, прямое и тайное избирательное право; созвать Учредительное собрание; развивать рабочее законодательство и т. п.¹ У властей были реальные основания для беспокойства. В частности, в резолюции собрания представителей 15 деревень Валовской волости Макарьевского уезда Костромской губернии отмечалось, что «надо готовить народные силы к нещадной борьбе с нашим бесчеловечным правительством», «объединиться и дружным восстанием свергнуть все существующие сельские власти, прекратить все и всякие платежи государству и земству и учредить революционные крестьянские комитеты»².

После спада революции общественная активность перешла в другую плоскость, что выражалось в образовании многочисленных организаций разных типов. Люди, желавшие проявить себя в общественной жизни страны, становились учредителями и членами кооперативных организаций. Важно отметить то, что это могли быть не только аполитичные элементы общества [Корелин: 138]. Кооперация была популярна среди социалистов-революционеров. Как отмечают исследователи, для них была свойственна «утопичность, преувеличенное представление о возможности кооперации – о возможности построения с ее помощью социалистического общества» [Кабанов: 63]. Примечательно, что в дело кооперативного развития в Костромской губернии свою лепту внес эсер С.М. Лотошников. В январе 1912 г. он из Москвы написал письмо в Костромскую уездную земскую управу с просьбой зачислить его кандидатом на должность инструктора по кооперации, объясняя это желанием «приложить свои силы в области сельскохозяйственной кооперации»³. Чуть позже Сергей Михайлович внесет свой вклад в развитие Костромского центрального сельскохозяйственного общества, а также станет инициатором выпуска журнала «Костромской кооператор» [Белов, Малинин: 153].

Многие решения по развитию общественных организаций на местах зависели от губернаторов. Начиная с 1897 г. центральные власти предоставляли губернаторам право утверждать уставы кооперативов различных видов – потребительские и сельскохозяйственные общества, трудовые артели, ссудо-сберегательные и кредитные товарищества. Для утверждения кредитных кооперативов учреждались местные губернские комитеты по делам мелкого кредита, в которых губернаторы занимали место председателя [Прокопович: 370]. В сложившейся ситуации общественные деятели связывали развитие кооперации именно с личностью губернатора. Так, известный экономист И.Х. Озеров писал в 1904 г., что по неизвестным причинам костромской губернатор и министр внутренних дел не утвердили устав артели сапожников. По его словам, «наш губернатор очень не любит всякое проявление самостоятельности, и, вероятно, это дело его рук» [Прокопович: 373]. Костромскую губернию в то время возглавлял Л.М. Князев (1902–1905 гг.) [Служение: 91–94].

Интересные сведения о подавлении самостоятельности в Костромской губернии приводит врач, общественный и государственный деятель З.Г. Френкель. В 1904–1905 гг. имело место оживление общественной жизни санитарных попечительств. По воспоминаниям Захария Григорьевича, такие попечительства стали включать в круг своих мероприятий открытие местных кооперативов, а «молодой, энергичный участковый врач Большесольского участка» А.С. Дурново установил тесную связь санитарного попечительства с кооперативным движением. Однако в 1906 г. Костромское губернское жандармское управление разгромило «большесольское общественно-кооперативное движение», а «доктора Дурново и нескольких кооператоров-крестьян арестовали и долго томили в тюрьме с явной целью терроризировать местное население и земскую интеллигенцию»⁴.

Очевидно, И.Х. Озеров отображает лишь одну сторону деятельности губернской администрации при Л.М. Князеве. В то же время нельзя говорить о предубеждениях губернаторов против кооперативов. Так, в декабре 1902 г. тот же Л.М. Князев, направляя министру финансов прошение учредителей артели кустарей-столяров г. Костромы и его уезда, отмечал, что появление такой артели в городе представляется «весьма увлекательным», а потому утверждение ее проекта устава можно считать «заслуживающим удовлетворения»⁵. Данное обстоятельство свидетельствует о том, что для большего понимания взаимоотношений власти и кооперативов следует обратиться к архивным материалам, раскрывающим особенности механизма утверждения уставов кооперативных организаций на местах.

Учредителям кооперативов достаточно было составить проект устава предполагаемой организации и вместе с прошением отправить его на имя губернатора. Составление устава не представлялось сложным делом, так как он должен был соответствовать нормативным требованиям, разработанным соответствующими центральными ведомствами. Дальнейшая судьба прошения, как правило, зависела не столько от служащих канцелярии губернатора, сколько от сведений уездного исправника или полицмейстера и начальника губернского жандармского управления. Губернатору было важно проверить политическую благонадежность учредителей кооперативов. Получив соответствующие сведения, он принимал решение и отправлял необходимую информацию (прошение учредителей, проект устава, свои комментарии) в министерство, которое курировало деятельность тех или иных кооперативных организаций. Такими центральными органами были Министерство внутренних дел, Министерство финансов, Министерство земледелия и государственных имуществ (с 1905 г. – Главное управление земледелия и землеустройства, с 1915 г. –

Министерство земледелия), Министерство торговли и промышленности [Корелин: 15–16]. Эти ведомства должны были окончательно утвердить проекты уставов, тем самым признавая кооперативы легальными организациями в рамках существующего закона.

Бюрократический процесс по утверждению уставов кооперативов занимал разное время – один⁶, два⁷, четыре⁸, девять⁹ месяцев. Не было какого-либо регламента. Многие зависели от скорости всех задействованных инстанций, дающих губернатору представление о «поведении и нравственных качествах» учредителей кооперативных организаций. Ярославской губернской канцелярии в 1915 г. даже приходилось отправлять запрос на имя петроградского полицмейстера с целью узнать сведения о трех лицах, проживающих некоторое время в столице. Примечательно, что в донесениях петроградского полицмейстера содержались точные данные, когда указанные лица прибыли в столицу и когда уехали обратно в Ярославскую губернию¹⁰. Эти документы отправлялись под грифом «секретно».

Подтверждение политической благонадежности просителей – основное, что требовалось губернским канцеляриям. Ответы уездных исправников, полицмейстеров и начальников губерnskих жандармских управлений являются важными источниками в изучении общественно-политических настроений в российской провинции, особенно в период революционных потрясений 1905–1907 гг. Так, начальник Ярославского губернского жандармского управления в августе 1915 г. сообщил в канцелярию губернатора сведения о том, как крестьянина П.И. Тягунова – одного из учредителей Гореловского сельскохозяйственного общества – подозревали в связях с РСДРП и в ходе обыска, произведенного в 1907 г., нашли у него револьвер с боевыми патронами¹¹.

Неспокойно было и в Костромской губернии. Кологривский уездный исправник, давая характеристику председателю Николо-Межевского сельскохозяйственного общества мещанину И.В. Жулепникову, отмечал его неблагонадежное поведение в 1907 г. По его словам, Жулепников вместе с двумя единомышленниками «собирали сходы крестьян для совещаний и действий, противных общественному порядку и спокойствию, внушали крестьянам захватывать земли частных владельцев и распространяли программу Всероссийского крестьянского союза»¹². Жулепников был выслан в Вологодскую губернию, где и проживал до декабря 1909 г. Канцелярия губернатора, ознакомившись с ответом уездного исправника, в августе 1911 г. попросила его наблюдать за деятельностью мещанина¹³.

Чиновники старались ничего не упустить. Например, макарьевский уездный исправник в апреле 1909 г. сообщил костромскому губернатору, что пять

крестьян-учредителей артели столяров и плотников «внушают сомнения в политической благонадежности» из-за их тесного контакта с крестьянами Цветковым и Виноградовым, обвиняемыми по 51-й, 128-й и 129-й ст. Уголовного уложения¹⁴. В них шла речь о критике существующего политического строя. Уездный исправник отметил, что учредители кооператива «неизбежно» имеют с политически неблагонадежными лицами «постоянные сношения, посещают их дома и по роду занятий отлучаются вместе с ними на заработки»¹⁵. Начальник Макарьевского уезда в ходе дознания произвел обыск в доме А.Ф. Соколова – инициатора создания артели. Были обнаружены брошюры и листки «тенденциозного направления»: «Союз народных представителей», «Что такое земство?», «Стенька Разин», «Евреи в России», программа и устав Конституционно-демократической партии¹⁶.

Властям была нужна уверенность в том, что кооперативы не станут со временем антиправительственными организациями. Поэтому макарьевский уездный исправник решил предположить, что учредители артели столяров и плотников в деятельность своей организации «будут стремиться вносить цели, не предусмотренные Уставом», под влиянием Цветкова и Виноградова. Губернатор в конечном итоге не признал возможным утвердить устав кооператива, так как «имеются неблагонадежные сведения»¹⁷.

Чиновники перепроверяли свои первоначальные данные, чтобы избежать ошибок и неясностей. Даже спустя несколько месяцев на имя губернатора мог поступить рапорт с исправлениями. Так произошло с романово-борисоглебским уездным исправником. Если в апреле 1910 г. он заявлял ярославскому губернатору, что учредители потребительского общества в селе Давыдове в «политической неблагонадежности замечены не были», то в июне того же года отправил рапорт, в котором докладывал обратное: «С моей стороны вскрылась ошибка, так что эти лица являются политически неблагонадежными»¹⁸. Перепроверка отправленных данных была важна, так как губернатору приходили сведения от нескольких источников – уездного исправника, полицмейстера и начальника губернского жандармского управления. В такой ситуации расхождения в сведениях были нежелательны для обеих сторон.

До губернаторов доносили сведения не только о политической благонадежности просителей, но и об их нравственном поведении. В этом отношении примечательна характеристика священника с. Старый Георгий (Костромская губерния) Михаила Зверева. Солигаличский уездный исправник в феврале 1911 г. отмечал, что он «поведения неодобрительного», ведет нетрезвый образ жизни и в таком состоянии «буйного характера и не воздержан в словах». Излишняя болт-

ливость нетрезвого священника «дает возможность предполагать о его противоправительственных взглядах и убеждениях и не сочувственного отношения к закону 9 ноября 1906 года»¹⁹. Костромской губернатор одобрил учреждение потребительского общества «Крестьянин», но в состав его правления отец Михаил Зверев не вошел²⁰.

Будет неверным считать, что губернатор в своем решении исходил исключительно из политической благонадежности и нравственного поведения просителей. Он обращал внимание и на другие обстоятельства. В частности, администрации приходилось проверять оформление уставов кооперативных организаций. Если проект устава содержал в себе «существенные отступления» от утвержденного нормального устава, то его возвращали назад просителям для устранения всех ошибок²¹.

Кроме того, нежелательным было наличие в одной местности нескольких кооперативов одинакового типа. Так, ярославская газета «Голос», следившая за развитием кооперативного движения у себя в губернии, сообщала, что губернский комитет по делам мелкого кредита 28 января 1911 г. не дал разрешения на открытие одного кредитного товарищества. Причиной этому послужило то обстоятельство, что в той местности, где должен был бы функционировать новый кооператив, уже существует другое кредитное товарищество. Комитет решил, что лучше будет «обратить особое внимание» на оживление его деятельности²².

Подобное встречалось и при рассмотрении дел об учреждении рабочих кооперативов. В сентябре 1909 г. ярославский губернатор сообщил, что не может удовлетворить просьбу рабочих Ярославской большой мануфактуры об открытии при фабрике потребительского общества. По мнению властей, для рабочих уже «имеется экономический магазин, в котором продаются все необходимые предметы потребления по самой дешевой цене, и администрация фабрики проявляет все заботы по улучшению быта рабочих не только в экономическом, но и в воспитательном отношении»²³.

С такой же серьезностью к делу губернаторы подходили и к утверждению должностных лиц в кооперативных организациях. Подобная практика была распространена в Российской империи во многих сферах общественной жизни. Например, владимирскому губернатору в январе 1917 г. приходилось уведомлять Переславскую уездную земскую управу о том, что с его стороны определение Н.М. Комлевой на должность учительницы «препятствий не встречается»²⁴. С кооперативными работниками дело обстояло аналогично. В августе 1914 г. костромской губернатор не утвердил крестьянина С.Я. Волкова на должность секретаря Совета Хмельково-За-

плужбинского сельскохозяйственного общества, так как тот ранее отбывал тюремное наказание за кражу²⁵. Однако не совсем понятно, по каким критериям губернаторы принимали решения по таким делам. В 1916 г. секретарем Костромского центрального сельскохозяйственного общества стал С.С. Данилов²⁶. Примечательно в этой ситуации то, что в том году он оказался в Костромской губернии не по своей воле, а был выслан как политически неблагонадежный элемент общества. Начальник местного губернского жандармского управления в донесении губернатору назвал Степана Степановича «одним из самых крупных деятелей РСДРП» [Кострома: 89]. Можно лишь предполагать, почему губернатор И.В. Хозиков не воспрепятствовал решению кооперативного союза предоставить большевику должностное место. Либо это было осознанное решение местной администрации, либо мы имеем дело со «сбоями» в системе, что было бы неудивительно в сложных условиях военного времени.

Взаимоотношения власти и кооперативов стали осложняться в годы Первой мировой войны. В историографии отмечается, что если в первый период войны кооператоры стремились к «установлению конструктивных отношений с властью», то по мере осложнения социально-экономической и политической обстановки в стране «все больше втягивались в открытое противодействие правительству» [Лубков 2019: 113]. Ярким тому примером служит совещание кооперативов Ярославского уезда, состоявшееся 4 сентября 1915 г. Участники должны были обсуждать вопрос о закупке семян хлебов на сезон 1916 г. Воспользовавшись ситуацией, кооператоры стали выражать свое недовольство политикой местных властей. Н.С. Пастухов – представитель Норского ссудо-сберегательного товарищества – произнес речь, в которой критиковал деятельность чиновников. В частности, он заявил: «Я скажу то, как, по словам сведущих лиц, поставлено у нас дело снабжения армии. Это сложное ответственное дело находится в руках чиновников, которые, по собственному их признанию, не различают пшеницы от пшена. Нужно признать, что до тех пор, пока снабжение армии будет находиться в руках таких безответственных чиновников, наша армия будет испытывать те же лишения, что она несла и несет теперь»²⁷. Вызвав одобрение у слушателей, Пастухов остановил внимание совещания и на другом злободневном вопросе – о призыве на войну полицейских чинов. По его мнению, на фронт должны идти «полиция и жандармы», так как «они были плохими учителями для развития наших душевных качеств»²⁸.

Местные власти давали повод служащим и членам кооперативных организаций к недовольству существующим порядком дел. Например, заседание

Ярославского губернского по делам об обществах присутствия 18 июня 1916 г. не утвердило устав Ярославского уездного кооперативного комитета. Члены заседания, среди которых был и губернатор, ссылались на закон 4 марта 1906 г., согласно которому в кооперативные союзы могут объединяться только общества, «преследующие однородные цели». В комитет же вошли кооперативы различных видов, что было недопустимо²⁹.

В другом случае отклик властей не нашли просьбы служащих Союза кооперативов Кинешемского района (Костромская губерния). Война забирала на фронт ценные кадры, а получать отсрочку от призыва становилось сложнее из-за долгого бюрократического процесса. Тогда правление кооперативного союза обратилось за помощью к костромскому губернатору, чтобы тот помог добиться от Главного управления Генерального штаба упростить данную процедуру. Однако в конце ноября 1916 г. губернатор заявил, что не находит для этого каких-либо «оснований»³⁰.

Оба случая могли возмутить костромских и ярославских кооператоров в силу того, что речь шла о деятельности кооперативных союзов, которые играли важную роль в снабжении местного населения необходимыми товарами и продуктами. В условиях продовольственного кризиса люди, связанные с кооперативами, вряд ли хотели входить в положение местных властей, которые являлись исполнителями российского законодательства и должны были беспрекословно следовать предписаниям центральных ведомств. В военный период начинается процесс политизации кооперации, что особенно ярко проявится в 1917 г. В частности, вышеупомянутые эсер С.М. Лотошников и социал-демократ С.С. Данилов станут вести активную политическую деятельность.

Таким образом, в отношениях власти и кооперативов нарастали противостояния. На первых порах власть не чинила препятствий в возникновении и деятельности кооперативов. Однако по мере роста общественного противостояния, обусловленного революцией 1905–1907 гг., все более очевидным становятся подозрения со стороны губернаторов в политической нелояльности кооперативов и, как следствие, нежелательности их деятельности в подведомственных им губерниях. Власть в лице губернаторов все чаще не без оснований стремилась проверять кооперативы на политическую благонадежность. При этом местные власти не имели цели подавлять кооперативное движение. Если учредители кооперативной организации не нарушали требований к уставу, не имели проблем с законом, то никаких препятствий к разрешению деятельности не возникало. Количественный рост кооперативов в годы Первой мировой войны ярко об этом свидетельствует. Губернские администрации беспокоились лишь о том, чтобы обществен-

ные учреждения не вели антиправительственную деятельность. Контроль со стороны местной администрации тяготил кооператоров, что особенно остро проявилось в военный период, и, как следствие, источники фиксируют антиправительственные настроения в кооперативных кругах. Такой исход событий является естественным стечением обстоятельств. Современники отмечают, что «кооперация, как одна из наиболее чистых форм коллективной самостоятельности в области хозяйственной жизни, совершенно непримирима с бюрократическим режимом и бюрократической опекой» [Прокопович: 420]. Кризис отношений между властью и кооперативами обретает активную форму в 1917 г.

Примечания

¹ Приговоры и наказания крестьян Центральной России. 1905–1907 гг.: сб. док. / Рос. акад. наук, Ин-т рос. истории; авт.-сост.: Л.Т. Сенчакова. Москва: Эдиториал УРСС, 2000. С. 85, 93, 96, 149, 201.

² Там же. С. 103–104.

³ Государственный архив Костромской области (ГАКО). Ф. 208. Оп. 1. Д. 1184. Л. 1.

⁴ Френкель З.Г. Записки и воспоминания о пройденном жизненном пути / публ., сост., коммент. и вступ. ст. Р.Б. Самофал. Санкт-Петербург: Нестор-История, 2009. С. 191–192.

⁵ ГАКО. Ф. 133. Оп. 2. Д. 11545. Л. 2 об.

⁶ ГАКО. Ф. 133. Оп. 2. Д. 11902. Л. 1.

⁷ ГАКО. Ф. 133. Оп. 2. Д. 11907. Л. 1.

⁸ Государственный архив Ярославской области (ГАЯО). Ф. 79. Оп. 7. Д. 4524. Л. 1–6.

⁹ ГАЯО. Ф. 73. Оп. 7. Д. 1277. Л. 1–16.

¹⁰ Там же. Л. 8, 12.

¹¹ ГАЯО. Ф. 73. Оп. 7. Д. 1294. Л. 4–4 об.

¹² ГАКО. Ф. 133. Оп. 2. Д. 11901. Л. 35.

¹³ Там же. Л. 36 об.

¹⁴ ГАКО. Ф. 133. Оп. 2. Д. 12130. Л. 9.

¹⁵ Там же. Л. 11.

¹⁶ Там же. Л. 11 об.

¹⁷ Там же. Л. 12, 15.

¹⁸ ГАЯО. Ф. 73. Оп. 9. Д. 409. Л. 32, 39.

¹⁹ ГАКО. Ф. 133. Оп. 2. Д. 12247. Л. 11–11 об.

²⁰ Там же. Л. 24.

²¹ ГАКО. Ф. 133. Оп. 2. Д. 11831. Л. 2.

²² Голос. 1911. № 25. 1 (14) февр. С. 4.

²³ ГАЯО. Ф. 79. Оп. 7. Д. 3905. Л. 6.

²⁴ Ростовский филиал Государственного архива Ярославской области (Рсф ГАЯО). Ф. 206. Оп. 1. Д. 616. Л. 3.

²⁵ ГАКО. Ф. 133. Оп. 2. Д. 14113. Л. 22.

²⁶ ГАКО. Ф. 510. Оп. 2. Д. 5. Л. 57.

²⁷ ГАЯО. Ф. 486. Оп. 1. Д. 85. Л. 12 об.

²⁸ Там же. Л. 14–15.

²⁹ ГАЯО. Ф. 73. Оп. 6. Д. 450. Л. 25–25 об.

³⁰ Государственный архив Ивановской области (ГАИО). Ф. 182. Оп. 1. Д. 36. Л. 91, 104.

Список литературы

Белов А.М., Малинин А.Н. Журнал «Костромской кооператор» как источник по изучению кооперативного движения в Костромской губернии в 1913–1917 гг. // Трефолевские чтения: сб. материалов IX всерос. науч.-практ. конф.; Ярославль, 15–16 февр. 2024 г. Ярославль: Ярославский гос. пед. ун-т им. К.Д. Ушинского, 2024. С. 150–160.

Данилов Степан Степанович // Кострома: Историческая энциклопедия / гл. ред. А.К. Шустов. Кострома: Костромаиздат-850, 2002. С. 89.

Кабанов В.В. Кооперация, революция, социализм. Москва: Наука, 1996. 206 с.

Корелин А.П. Кооперация и кооперативное движение в России. 1860–1917 гг. Москва: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2009. 391 с.

Кураев А.Н. Развитие кооперации в России в 1907–1914 гг. // Власть. 2019. № 3. С. 212–217.

Лубков А.В. Кооперативная модернизация России накануне революции 1917 г. // Вестник ВятГУ. 2007. № 17. С. 26–35.

Лубков А.В. Солидарная экономика. Кооперативная модернизация России (1907–1914 гг.). Москва: МПГУ, 2019. 272 с.

Прокопович С.Н. Кооперативное движение в России, его теория и практика. Москва: Изд-е М. и С. Сабашниковых, 1913. 460 с.

Служение отечеству. Руководители Костромской губернии и области, 1778–2008 гг.: историко-биографические очерки / отв. ред., сост. А.М. Белов. Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2009. 296 с.

References

Belov A.M., Malinin A.N. *Zhurnal «Kostromskoi kooperator» kak istochnik po izucheniiu kooperativnogo dvizheniia v Kostromskoi gubernii v 1913-1917 gg.* [The Kostroma Cooperator magazine as a source for the study of the cooperative movement in the Kostroma province in 1913-1917]. *Trefolevskie chteniia* [Trefol readings], 2024, pp. 150-160. (In Russ.)

Danilov Stepan Stepanovich. *Kostroma: Istoricheskaia entsiklopediia* [Kostroma: Historical encyclopedia]. Kostroma, Kostromaizdat-850 Publ., 2002, p. 89. (In Russ.)

Kabanov V.V. *Kooperatsiia, revoliutsiia, sotsializm* [Cooperation, revolution, socialism], Moscow, Nauka Publ., 1996, 206 p. (In Russ.)

Korelin A.P. *Kooperatsiia i kooperativnoe dvizhenie v Rossii. 1860-1917 gg.* [Cooperation and cooperative movement in Russia. 1860-1917]. Moscow, Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN) Publ., 2009, 391 p. (In Russ.)

Kuraev A.N. *Razvitie kooperatsii v Rossii v 1907-1914 gg.* [The development of cooperation in Russia in 1907-1914]. *Vlast'* [Power], 2019, no. 3, pp. 212-217. (In Russ.)

Lubkov A.V. *Kooperativnaya modernizatsiya Rossii nakanune revolyutsii 1917 g.* [Cooperative modernization of Russia on the eve of the 1917 revolution]. *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Vyatka State University], 2007, no. 17, pp. 26-35. (In Russ.)

Lubkov A.V. *Solidarnaia ekonomika. Kooperativnaia modernizatsiia Rossii (1907-1914 gg.)* [Solidary economy. Cooperative Modernization of Russia (1907-1914)]. Moscow, MPGU Publ., 2019, 272 p. (In Russ.)

Prokopovich S.N. *Kooperativnoe dvizhenie v Rossii, ego teoriia i praktika* [The cooperative movement in Rus-

sia, its theory and practice]. Moscow, Izdanie M. i S. Sabashnikovykh Publ., 1913, 460 p. (In Russ.)

Sluzhenie otechestvu. Rukovoditeli Kostromskoj gubernii i oblasti, 1778-2008 gg.: istoriko-biograficheskie ocherki [Service to the fatherland. The leaders of Kostroma province and region, 1778-2008: historical and biographical sketches]. Kostroma, KGU imeni N.A. Nekrasova Publ., 2009, 296 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 28.10.2024; одобрена после рецензирования 20.01.2025; принята к публикации 30.01.2025.

The article was submitted 28.10.2024; approved after reviewing 20.01.2025; accepted for publication 30.01.2025.